

Александр Бабчинецкий

Александр Анатольевич Бабчинецкий – родился в 1948 году в Нижнем Тагиле. Служил в Советской армии, где сотрудничал с армейскими газетами. Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета. Работал на железнодорожном транспорте. Автор исторических повестей («Княгиня Ольга», «Начало») и двух романов («Гражданин Минин и князь Пожарский», «Платов, донской граф»), изданных в Москве и воронежском журнале «Подъём». Живёт в Воронеже.

ВЛАДИМИР КРАСНО СОЛНЫШКО

Историческая повесть

Благословите, братцы, старину сказать, —
Как бы старину стародавнюю.

*Из сборника «Древние российские стихотворения»,
собранные Кириешю Даниловым*

1

Правление Великого князя Владимира началось с наказа крепить родноверие и поставить языческих кумиров на всех киевских высотах. И во исполнение указания княжеские отроки вкупе с гридями и прочими слугами приступили к делу. Так и появились рубленые идолы на холме вне двора теремного: Перуна деревянного, а голова у него серебряная да ус золотой, Хорса-Дажьбога, Стрибога, Симаргла (Сима и Регла) и Мокоша с Белеей. Ко всему Великий князь предался необузданному женолюбию. Кроме пяти законных жён у Владимира стало триста наложниц в Вышгороде, столько же в Белгороде и двести в селе Берестово. И тем не менее это не останавливало верховного правителя, который повелел, чтобы ему приводили ещё и замужних женщин да девиц на растление.

Однажды на праздник Перуна собралось как никогда много народа. Был в этой толпе и молодой христианин, влюблённый в дочь местного менялы, молившегося идолам. Некто из толпы узрел его и громко возвестил об этом волхвам. Оные не замедлили оповестить народ о вопиющем святотатстве и решили принести молодца в жертву Перуну. Как ни протестовала девушка, как ни умоляла жрецов пощадить его, ничего не помогло.

В ту же ночь случилась сильная гроза. Молнии сожгли священный дуб и кумирню. Это навело такой страх на киевлян, что это место надолго превратилось в проклятое. А со временем христиане построили там для себя первый монастырь и дали ему имя святого Ильи. Как позже оказалось, именно так прозывался убиенный язычниками молодой христианин.

2

Как-то с утра к Владимиру в опочивальню вошёл его дядька Добрыня, ко всему воевода и новгородский посадник.

– Весть имею, будто на Старокиевской горе, возле кумирни Перуна, жрецы сего деревянного бога вновь вознамерились принести новые жертвы.

– Пора бы нам поумнеть... – помрачнел Великий князь. – Я всё это начал, мне и завершать!.. Нет в Европе государя, который бы не глядел мне вслед с насмешкой за наше срамное идолопоклонство. И торговле оно помеха, и заключению союзов...

Великий князь, не доехав до вновь отстроенной кумирни, покинул седло и повёл коня под уздцы. Он и Добрыня вскоре увидели пылавший неподалёку на алтаре огонь и собравшихся возле него киевлян со вскинутыми вверх для приветствия Перуна правыми руками.

Издали виднелись три волхва, строго вещавшие народу:

– Извечный податель тепла и света божественный Перун возмущён преступными деяниями ваших соплеменников, тайно принявших христианство. Они презрели его волю и могущественную власть, за что должны понести суровое наказание. Мы принесём их в жертву. Тогда Перун смилостивится и дарует вам долгожданный урожай!

Владимир приблизился к столбу, возле которого стояли со связанными руками и ногами два молодых киевлянина.

– В чём вас обвиняют?! – громко сказал он.

– Наша провинность в том, что мы не позволили язычнику насильничать над нашей сестрой... Верховный волхв Бермята склонял её к добровольному заклятию по смерти нашего отца на его тризне, а та вместо этого приняла христианство. Тогда волхвы обманом заманили её в потаённое место и всё-таки лишили жизни.

– Выходит, вы оба тоже христиане?

– Да... – подтвердили они.

– Люди киевские! – вскрикнул Добрыня. – Благодаря стараниям честных доброхотов прознали мы с Великим князем о множестве притеснений, творимых волхвами да кудесниками. Пользуясь грязными наветами, ложными обвинениями да личной неприязнью, они творят произвол, но не веры ради, а собственного обогащения!

Бермята со страхом, смешанным с откровенной ненавистью, смотрел на Владимира и Добрыню.

– Более ничего подобного я не допущу! – прервал Владимир слова дядьки. – Я повелеваю отныне такой произвол навсегда прекратить и отпустить задержанных горожан. Далее обещаю, что, ежели вновь проведу о подобном, сожгу уже не только сию кумирню, но и жрецов вкупе с ней! Надоело мне взирать на их бесовство. Моя матушка была христианкой. Так вы бы и её принесли в жертву своим деревянным истуканам?

– И без того византийцы, поляки или те же варяги и хазары нас за идолопоклонство почитают деревянными мозгами! – поддержал племянника Добрыня.

Уже перед сном он заглянул в спальный покой Великого князя.

– Вот какое у меня соображение, племяш: а не отправить ли нам разных бывальцев в иные страны, чтобы удостоверились в правильности или лживости их верований? А потом станем думать да оценивать, к какой вере нам пристать? Пора Руси определяться, если мы не хотим стать посмешищем для соседей.

– Быть тому... – подумав, строго согласился Владимир.

3

На другой день с утра Владимир повелел немедля пригласить боярина Богуслава, предводителя его личной княжеской дружины гридней.

Тот ждать себя не заставил: смело шагнул в княжескую горницу.

Ярким светом горевших свечей встретило Богуслава жильё Великого князя.

Владимир задумчиво сел за стол.

Богуслав внимательно взирал на государя, теряясь в догадках, зачем он приглашён.

– Я нуждаюсь в совете умного и зело преданного мне человека, каким и почитаю тебя... – вздохнул Владимир. – Ты мудр не по годам. То-то непростое имя у тебя. Оно как бы бога прославляет. Ты христианин?

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...

Владимир стал задумчиво, словно сам себе, говорить о своих снах, которые часто виделась ему в последние дни. Почему-то Великий князь каждый раз поднимался в них так высоко вверх, что мог обозревать сверху все княжества, на которые распространялась власть Киева.

– Это вера христианская окрыляет тебя... – выслушав князя, тихо проговорил Богуслав и взволнованно прикрыл лицо руками. – Мне trebно всё услышанное от тебя хорошенько осмыслить...

А далее с его, Богуслава, совета о намерении Владимира обрести на Руси истинную веру достаточно скоро прознали во всех соседних странах.

Уже и первые посланцы от них пожаловали...

Не откладывая, Великий князь собрал бояр в княжеских хоромах.

Когда он вошёл к ним, они шумно поднялись с лавок, привычно, по-язычески, приветствуя Великого князя поднятыми правыми руками.

Следом за Владимиром в княжескую гридницу вошли три прибывших германца, один из которых был представлен князю толмачём как Бруно Кверфуртский.

Оный вышел на середину гридницы и начал торжественно говорить:

– Не думай, княже, будто мы пришли, чтобы показать тебе и всем русичам прелести христианства. Сами поныне бредём во тьме языческого невежества.

– Ежели бы ведал о подобном, не стал бы к вашему Оттону отправлять посольщиков из Киева с просьбой прислать людей, способных к проповедованию своей веры.

– Иного услышать мы и не предполагали... – продолжал свою речь королевский священник. – Поэтому скажу только, что вопрос о начале мира и будущей жизни сильно занимал все народы Севера и могущественно содействовал распространению между ними христианства. Ибо лишь оно могло дать им удовлетворительное решение всех вопросов жизни человеческой.

Миссионер вдруг замолк, словно бы ожидал некое время каких-либо слов от Владимира или кого-нибудь из его окружения, да так и не дождался.

– По такому поводу хотелось бы привести весьма поучительную и не менее правдивую историю о принятии христианства в государстве Британия. К одному из англо-саксонских королей явился проповедник христианства. Сей властитель позвал дружину на совет. Один из вождей сказал при этом следующие поучительные слова: «Быть может, ты припомнишь, король, что случается иногда в зимнее время, когда ты сидишь за столом с дружиною: огонь пылает, в комнате тепло, а на дворе и дождь, и снег, и ветер. И вот иногда в это время пронесётся через комнату маленькая птичка. Влетит в одну дверь, вылетит в другую; мгновение этого перелёта для неё приятно, она не чувствует здесь ни дождя, ни бури. Но это минутное состояние кратко, вот птица уже и вылетела из комнаты на двор, и опять прежнее ненастье бьёт несчастную. Такова и жизнь людская на земле и её мгновенное течение, если сравнить её с продолжительностью времени, которое предшествует и последует. Оно мрачно и беспокойно для нас, оно мучает нас невозможностью познать его. Но если новое учение может дать нам какое-нибудь верное известие об этом предмете, то стоит принять его».

Бруно Кверфуртский снова замолк, но опять не услышал ничего, кроме тишины, и пришлось ему продолжить:

– Прислал нас папа римский и велел говорить: «Вы народ честный и благоразумный. Удивление вызывает, что до сих пор верите неблагоприятно, поклоняетесь деревянным богам, сделанным вами, и от них милости просите. Наша вера есть свет, кланяемся одному только Господу Богу триипостасному, который сотворил Небо и Землю, Солнце, Луну и Звёзды, и всяко дыхание».

И спросил строго Владимир:

– Каков главный закон вашей Веры?

Они же отвечали:

– Верить во Святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, притом иметь пост по силе. Ежели, кто ест или пьет, всё во славу Божию творит, как сказал учитель наш апостол Павел.

И тихо проговорил Владимир германцам:

– Ступайте вспять, так как ещё отцы наши не готовы дать ответ.

Добрыня устал неимоверно. Несколько дней он провёл в седле, возвращаясь в Киев из Новгорода, где неизменно проживало его семейство. По просьбе Великого князя, постоянно нуждавшегося в его присутствии и советах, он посчитал невозможным оставлять надолго племянника в столь трудное для того время.

Уже на ближнем к Киеву постоялом дворе только и было разговоров, как Владимир обошёлся с посланцами папы римского и германского короля Оттона III. В половину голоса и почти шёпотом посетители и постояльцы двора передавали друг другу эти новости. Да и не удивительно: на Руси всегда

опасались высказывать что-либо откровенно и вслух. Разные властители и прочие властолюбцы недрённым оком следили за бунтарями и возмутителями спокойствия.

– По-моему, так лучше бы гречинов призвал к себе, – послышался разговор между купцами, несомненно, христианского вероисповедания. – Сколько раз доводилось нам бывать у них, никогда не проходили мимо храма Святой Софии. Благолепнее его убранства не зрили ничего и нигде.

Добрыня и не заметил, как увлёкся этой чужой беседой и даже прекратил еду.

К вечеру он уже был в своих хоробах, находившихся почти рядом с княжескими. Хотел без промедления отправиться на заслуженный отдых, как спальничий объявил, что Добрыню ожидают иноземные гости.

– Я вовсе не хотел их допускать, – оправдывался он, подавая хозяину очередной сапог. – Но ведь чуть ли не гривны мне в руки совали, чтобы я заявил тебе об их приходе.

– Накрывай поспешно ужин, – повелительно произнёс Добрыня. – Просителям, кто бы то ни были, скажешь, чтобы подождали ещё немного. Их терпения я более испытывать не собираюсь, срамно ведь: заставлять иноземных гостей долго ждать.

И Добрыня допустил к себе незваных гостей. Его самого распалил интерес: по какой надобности иноземные люди так настойчиво стремились к нему? Подозрения были связаны с желанием быть принятыми Великим князем.

– С чем хотите ознакомить его? Какие нужды одолевают вас, и сумеет ли Владимир оказать сильную помощь?

Пришедшие (их оказалось трое от просившихся) выступили вперёд поочерёдно и стали уверять Добрыню:

– Желания наши весьма скромны. Слухом земля полнится о посещении Великого князя посольщиками латинскими, кои прельщали его к принятию христианства от Рима. У нас имеется подобное стремление: ознакомить вашего правителя с нашими верованиями и ввести в соблазн на введение русичей в наше исповедание, – тогда будем мы едиными и сильными этой общностью!

– Замолви слово перед господином своим, о Великий, – выступил вперёд другой проситель. – Ты вхож в его ближайшее окружение.

– Ничего Великого во мне не есть, – откровенно возразил Добрыня. – Просто его матушка доводится мне родной сестрой, поэтому и доверила достойно воспитать своё единственное дитя.

Он помолчал немного, и от этой паузы гости несколько взволновались.

– Не робейте... – вздохнул Добрыня. – Помогу я вам встретиться с моим государем, но вы должны обещать, что, ежели ваше посещение окажется ему неприемлемым, покинете княжеское подворье и далее не станете докучать своими появлениями.

– Мы согласны на такие условия, – одобрительно высказались иноземцы и тотчас покинули хоромы.

5

Начавшийся день обещал утреннюю грозу. И она пришла, неминуемая. Прежде абсолютно чистые небеса, с бежавшими по ним небольшими барашками кучерявых облаков, теперь превратились в огромный сгусток грозовой тучи, готовый ежеминутно раскрыться для низвержения ливневых потоков. И всё это должно сопровождаться небесным огнём и грохотом.

Ранних горожан испугал режущий слух громовой раскат. И сразу хлынул ливень; однако, будучи неуверенным в своей силе, призвал на помощь ледяных пособников. И тогда чёрная туча разразилась градом.

После грозы княжеское подворье тяготилось нашествием боярских рыдванов и колымаг. Все приезжали по велению и приглашению Великого князя. Ожидался приезд Добрыни, который должен был сопровождать иноземных гостей, заявленных на сегодняшний приём.

Они и появились в окружении княжеских гридей, набранных князьим воспитателем ради торжественного случая. И немедленно проследовали в отведённое для них помещение.

И, как и прежде, всё боярское собрание напряжённо ожидало появления государя. Вопросили друг друга, по какой такой надобности Владимир потревожил их из поместьев? Каждый приводил другому самые различные причины и доводы, чтобы не появляться здесь.

– От кума давеча посыльный был, – шамкал почти беззубым ртом один домовитый. – Приглашение мне вышло от него: сорок дён его преставившейся супружнице.

– Да ты не то христианин? – отшатнулся от сидевшего рядом бородача такой же, в горлатной шапке.

– А что ты удивляешься, я тут не единственный...

– Неужто Владимир теперь смирился с христианами?

– А это уж как Господь управит...

В это время все сидевшие по обеим сторонам приёмного покоя увидели вошедшего Добрыню, и почти тотчас же следом появился государь, окружённый несколькими людьми. И как только Великий князь опустился в кресло у стены, украшенной сияющими солнцами, а позади встали рынды, все предварительно поднявшиеся с лавок вернулись на свои места.

– К Великому князю посланные бахмиты, что проживают на Волге! – громким голосом оповестил княжий человек.

Подошедшие несколько мужчин выглядели примерно одного возраста, одетые в незнакомые русичам платья. Поясно поклонившись собравшимся в знак приветствия с приложением рук к груди, они начали свою речь:

– Мы счастливы лицезреть тебя, Владимир, и, услыша о твоём желании изменить веру на Руси, вознамерились отправиться к тебе с предложением нашей, самой лучшей из всех сущих на земле верований.

– И какого бога вы желаете мне предложить?

– Посланы мы Господом нашим, Аллахом и пророком Его Магомедом, творцами веры исламской. Говорят, будто ты, князь, мудрый и весьма смышлёный, однако не ведаешь закона истинного. Так прими же наш и почитай пророка, как у нас говорят: «Нету Бога лучше Бога, Магомет Его пророк».

Владимир стал вопрошать:

– В чём же суть вашего вероисповедания?

Болгарские мусульмане отвечали так:

– Мы веруем единому Богу, а Магомет нас учит производить обрезание, свинины не ясти да вина не пити. По смерти же со жёнами веселие будет. Дарует пророк по семидесяти жён красивых каждому. И, избравший едину из всех, красоту совокупит ей, и та станет ему женой.

Владимиру пришёлся по нраву чувственный рай мусульман, однако он никак не соглашался допустить отказ от свиного мяса и от вина.

– Теперь мне понятен ваш закон, – после короткого раздумья вымолвил Великий князь. – Мною приглашены сюда некоторые местные христиане, которые могут рассудить нас с магометанами: нужна ли Руси такая вера?

– Дозволь, государь, – выступил вперёд знатный купец Светозар. – Я наравне с тобой и всеми собравшимися выслушал говоримое этими людьми. И пришёл к мнению, что их религия уж слишком смахивает на существующую. В частности, взять хотя бы многожёнство. Считаю, что совсем неприемлемо одни ошибки менять на другие.

Купец поклонился Владимиру и отступил назад.

– Есть ещё такие, которые подскажут нам истину? – обвёл всех взглядом государь, но не услышал ни от кого подобного желания. – В таком случае «Руси есть веселие пить, не можем быть без того».

С великим сожалением о такой неудаче выходили бахмитские проповедники, а их место уже готовились занять хазары, желавшие предложить народу и государю Руси своё верование. Они пылали надеждой, что их чаяния должны непременно оправдаться. И ступили в приёмный покой под полуголосые пересуды бояр, обсуждавших поражение болгар.

– С каким предложением или пожеланием вы пришли к нам? – участливо осведомился Владимир.

– Слышать нам довелось, будто приходили к вам болгары магометанские и христиане латынские. Все они поведали тебе о своих верованиях. Христиане веруют в Царя иудейского, что был родом из Назарета, но мы его распяли. А мы веруем единому Богу, Отцу, Творцу и содержителю всякой твари.

– Каковы ваши религиозные представления? – снова спросил Великий князь, теперь уже с настороженностью.

Хазарские иудеи отвечали на это так:

– Мы призываем к обрезанию, свинины и другого нечистого мяса не вкушать, субботу хранить свято, ибо – праздник.

Внезапно поднявшийся Добрыня задал свой вопрос:

– Где находится ваша земля, уважаемые?

Они отвечали весьма сдержанно, почти потупив взор:

– В Иерусалиме.

– Там вы все доньне и обитаете? – уточнил Великий князь.

– Разгневался Господь на наших предков, – после некоего замешательства отвечали иудеи. – За свершение позорной и несправедливой казни над Сыном Божиим Он расточил нас по разным странам и землям, да и продолжает напоминать о грехах наших. Землю предков по Его же велению захватили римские язычники, которые глумились над нашими порядками, обычаями и храмами.

Молча выслушал Владимир это, но более – жалобу иудеев на свою горькую участь.

– Как же вы можете предлагать другим народам то, что сами не сумели сохранить в достойной чистоте? За все прегрешения перед почитаемым вами Богом вы Им отвержены и скитаетесь по миру. Если бы Господь воистину благоволил вам и верованиям вашим, вы бы и далее жили на своей земле. Сего ли зла и нас участниками учинить хотите?

И он со гневом выслал их.

6

Постоянно приходилось Владимиру слышать о Греческой земле, сильной верою в Иисуса Христа, о величии тамошнего богослужения. Тогда и решил он отправить самых толковых своих бояр, чтобы они убедились в истинности всего этого.

Вернувшись, посольщики обо всём обстоятельно известили Великого князя:

– Надежды, весьма весомые, возлагались нами на христианство римское, которое якобы весьма напоминает греческое. Только мы прознали убедительно, что все тамошние прихожане не столько возвеличивают Бога, сколько оказывают почтение своему Папе. Именно он возомнил себя высшим божеством. А Божьи храмы у них выглядят весьма скудно. Глазу не на чем остановиться, чтобы он возрадовался какой-нибудь красотью, что видится даже в наших киевских христианских церквушках. И кому могут глянуться молитвы, что возносятся Небесному Творцу на неизвестной никому латыни, на которой даже местные не общаются с самых древнейших времён. Только священники её и ведают по свершении молитвенных потребностей для прихожан, и требуют за сие мзду непомерную.

– Затем пришли мы в Царьград, – продолжали бояре-посольщики, – где нам повелением их господаря патриарх и проповедники довольно доходчиво о таинствах религиозных изъясняли. Потом ввели нас в церковь главнейшую, где отправляли службу Богу с превеликим благолепием на родном их ромейском наречии, а не позабытой всеми латыни. В том храме видели мы истинное благочиние и умиление, будто на небесах оказались. Ибо нет на земле лучшего исповедания и красоты в храмах, как у греков. Мы явно убедились, что там Сам Господь истинно с людьми пребывает. Ромейская религия предпочтительнее для русичей!

Внезапно все трое поясно поклонились Великому князю, чего он от них совсем не ожидал и даже не знал, как ему поступить в ответ.

– Дозволь, Великий князь, вот что тебе ещё сказать... – со скрытым чувством некоей провинности заговорил самый старший из посольщиков. – Произошло со мною в тех местах великое неприятство. По какому-то непонятному произволу лишился я слуха. Слышать удавалось лишь вещаемое рядом. Так вот, в ихней корчме прознал о моём бедствии её хозяин и подробно расспросил меня о случившемся. Я просил его помочь в поиске лекаря, однако корчмарь посоветовал ступать в ближайшую церковь да признаться во всём тамошнему священнику. Только я его слова пропустил мимо ушей... Решил, мол, само пройдёт...

Теперь уже и другой боярин вступил в беседу:

– Однако нашему приятелю и на следующий день не полегчало, а в третий день он совсем оглох, будто и родился таковым.

– Вот тут пришлось нам вспомнить советование корчмаря, – продолжил третий боярин. – И пошли мы все вместе в церковь да приняли крещение по греческому обряду, о чём ниелико не пожалели. Ко всему к нашему другу слух тотчас вернулся! Прости и помилуй нас, Великий княже.

Они снова поясно поклонились ему.

– А дальше, что вы узнали о греческом законе? – потребовал Владимир с нетерпением. – Есть ли ещё какое благолепие у него?

– Не можем мы ни сказать, ни забыть истины и красоты той, и потому наш совет тебе изъявляем, что достойно и нужно принять закон, греками веруемый и исповедуемый. Ежели ты того не соизволишь, то мы согласны оставить на Руси всё своё достояние и пойти туда, чтобы сохранить свою веру, нами ныне принятую, ибо всяк человек, вкусивший сладости, затем не может горькое терпеть.

Долго в глубоком раздумье пребывал Владимир после таких слов. В молчании стояли и бояре, ожидая разрешения им слово молвить.

Наконец заметное оживление проявилось в лице Владимира.

– Великий князь! – тотчас поспешно заговорили бояре. – Если бы сей закон грецкий был порочен, то не приняла бы его твоя бабка Ольга, которая слыла мудрейшим из всех человеков.

На оное Владимир отвечал им так:

– Когда вы все согласны на принятие закона греческого, то и я не отказываюсь, только где и как крещение принимать станем?

Они же сказали:

– Где тебе любо, мы противления не окажем.

7

Никто не мог сказать, чем такое можно было объяснить, но к приёму проповедников из Константинополя Владимир повелел подготовиться с особым тщанием. Были дополнительно выпрошены многие, бывавшие в столице империи. Они дали очень полезные советы по украшению приёмной горницы, а в особенности красных сеней и многочисленных переходов и подклетей, где предстояло проходить византийцам.

В назначенное время они с необыкновенной для хозяев точностью появились у ворот княжеских хором, сопровождаемые конными гридями. Княжеские слуги замыкали всю процессию и встали на страже спокойствия важных переговоров. И как позже отмечалось, ни одно посольство до сего дня не принималось с подобной торжественностью.

– К Великому князю посланники из далёкой южной державы! – громко возвестил княжий распорядитель.

Первым в помещение ступил вполне зрелый мужчина, как после оказалось, доверенное лицо императора. За ним следовали один за другим его сопровождающие в богатых византийских одеждах и не менее красивых головных уборах. В середине процессии увиделись многими присутствующими боярами и прочими гостями князя несколько седовласых старцев в чёрных рясах с серебряными крестами у поясов и чёрными скуфьями на головах.

Внезапно произошло непредвиденное. Вместо ожидаемого выхода перед Владимиром императорского сановника из ряда священников ступил на середину комнаты некий монах преклонного возраста, весьма благообразный. Его высокий, исчерченный морщинами лоб предполагал возможную живую и образную речь мудрого человека.

Это и произошло, когда ромей заговорил:

– Прислала нас братия от главного храма нашей святой Софии в Константинополе. Зовусь я философом Кириллом. Мы слышали, будто к вам приходили многие и учили принять их веру. Но она святости на Руси не прибавит... Мы же воистину в Того веруем, кого пророки предвестили, что Богу суждено родиться от Девы, а другие вещали, будто распят и погребён будет он, да в третий день воскреснет и на Небеса взойдёт. Так и сбылось...

Таковыми словами заинтересовался Владимир, тогда и спросил философа:

– Чего ради и как сошёл Бог на землю и страсть такую принял?

Кирилл не смутился нелепостью вопроса, зная о принадлежности Великого князя к языческой вере и полном неведении христианских законов и текстов Старого и Нового Заветов, поэтому и отвечал ему:

– Ежели существует желание послушать, тогда скажу тебе изначала.

– Весьма охотно принимаю такое предложение, – выразил своё желание Святославич, когда обвёл всех присутствующих повелевающим взглядом и узрел на их лицах знак согласия.

Тогда и начал философ повествовать о делах Божиих от сотворения Мира и до окончания седьмого собора подробно. И всё, что относится к истинной вере, а также о будущем воздаянии за добродетели и о мучениях за грехи. А далее показал Владимиру завесу, на которой хитроумно был написан Страшный Суд Господен. И указывал Кирилл ему, как праведные справа веселятся, а грешные слева мучаются.

Увидев это, ужаснулся Великий князь, воскликнув с откровением:

– Добро есть благим справа, а горе великое злым слева!

Уже более настойчивым тоном произнёс философ:

– Если хочешь справа стоять с праведными, то принимай истинную веру.

Владимир же положил руку на сердце своё, ответно высказав:

– Подожду ещё немного.

В тот день он одарил посланцев ромейских и отпустил с честью великою обратно.

8

И снова у Владимира назрела необходимость в приглашении Богуслава. Это томительное ожидание встречи с ним превзошло всё его прежнее нетерпение.

Для боярина уже не требовалось никакого особого разрешения. Княжеская охрана свободноступилась перед ним, зная о нетерпеливости государя, особо ждущего эту встречу.

Как только гость преодолел порог, с первых его слов всё встало для Владимира на свои места. Буквально несколько фраз Богуслава объяснили для него многое:

– От моей бабки Ольги мне довелось слышать, что болгарский правитель Симеон совершил победоносный поход к ромейской столице и потребовал от Регентского совета признать его соправителем императора и согласия на брак его сына с императорской родственницей, что и было выполнено.

Всё это Владимир произнёс на одном дыхании и тут же замолчал, откинувшись на спинку кресла.

– Значит, – снова встрепенулся Великий князь, – чтобы мне получить церковную власть, независимую от Византии, нужно стать вровень с ихними базилевсами?

– Истинно, – подтвердил Богуслав. – Именно это мне было истолковано одной прорицательницей, которой я поведал о твоих снах. Тебе суждено продолжить начатое княгиней Ольгой, которая пыталась превратить языческую Русь в сильную христианскую державу. Тогда с нею станут считаться все государства Запада и Востока.

Владимир понял, что сей диалог приблизился к завершению.

– Теперь я воистину укрепился во мнении, что нужно любыми средствами с помощью христианства встать с Европой на одну ступень, а в будущем – предвосхитить наглыватых еуропов во всех делах.

9

На другой день ближе к полудню Великий князь завершал важные дела и попутно разбираал различные жалобы. Добрыня постоянно находился рядом, помогая улаживать споры между киевским людом.

И почти тогда же старший из гридей сообщил о появлении ромейских гостей во главе с Алексием Анатоликом, являвшимся в своей родной земле самым важным по иностранным делам.

Он вошёл в сопровождении своих людей.

– Послан я моим повелителем, потомком Великих Константина и Юстиниана...

Далее следовали перечисления прочих властителей с их владениями. Владимир уже привык к обязательному церемониальному выслушиванию всех титулов, какие были приняты в Византии и странах Запада.

Теперь же он посчитал сие слишком утомительным и в данном случае вообще неприемлемым. Поэтому поднял вверх ладонь и знаком предложил пришедшему изложить суть дела.

– Прежние договоры утвердили, как то учинено при Игоре Великом князе и потом утверждено, и сей договор утвердили Свенелд, посол Святослава, и Феофан, сигимат греческий при императоре Иоанне: «Я Святослав, князь русский, как клялся, утверждаю на договоре сем данную мою клятву, что хочу иметь мир и совершенную любовь ко всем Великим царям греческим, с Василием и Кон-

стантином, и с православными, и с впредь будущими, и со всеми подданными греческими... Ежели же иной кто восстанет на пределы ваши, я буду против него и буду иметь войну с ним, как клялся ко царям грецким и со мною бояре и руссы все, да сохраним прежние договоры и союз...»

Владимир обратился к стоявшему позади Добрыне. Тот кивком головы подтвердил истинность прочитанного документа времён правления князя Святослава.

– Какие же действия ожидает от меня светлейший правитель ромеев?

– Необходима военная помощь от бунтарей во главе с Вардой Фокой.

– Любо грекам проливать славянскую кровь, – сдержанно проговорил Великий князь. – Спят да мечтают ослабить могущество наше, чтобы оно было в угоду многочисленным врагам Руси. Видать, поистожились богатства императоров, коль скоро согласились к нам на поклон, их постоянным противникам.

Тем не менее со словами согласия и с подписанными документами отправился в Константинополь посланник Ромеи.

10

С шумными грозами и комариным звоном отшагало по лесам да полям знойное лето. Много было доброго от него, однако всё хорошее быстро кончается. В каждодневных трудах и заботах пролетело оно и скрылось за высокими горами да широкими морями. Успелось ли многое переделать за это время? Наверняка ведь не хватило буквально нескольких дней. А всё-таки сумели доставить в Киев важный документ от Василия II и Константина VIII, которые чуть ли не слёзно просили русичей оказать необходимое содействие в подавлении бунта.

Затягивать решение важного дела у Владимира не являлось правилом. Подобное же было свойственно Святославу, но ещё ранее княгиня Ольга славилась не только быстротою мысли, но и действия.

Вновь вызванный боярин Богуслав шагнул в княжеские хоромы. И со вниманием слушал государя, однако уже в середине узанного от него понял, что в данном случае он не в силах оказать Великому князю в достаточной мере необходимую услугу.

– В чём же ты чувствуешь свою слабость? – испытующе глядел Владимир на языческого книжника.

– В теперешнем положении моих знаний для тебя будет весьма не доставать. А посему достойную помощь окажет один бывший иеромонах. Много лет тому назад оный бежал от возможного языческого преследования вкупе с учителем своим, который был выбран княгиней Ольгой особо доверенным человеком.

Великий князь некое время оцепенело взирал на боярина, который явно чего-то от него ожидал.

– Вспомнил! – вдруг воскликнул Владимир. – Ведь ты вещаешь мне о ромейском монахе Григории и евоинном ученике Евфимии.

Государь, сподобленный Божьим озарением, восторженно поглядел на Богуслава.

– Воистину так и есть, – с признанием правоты князя подтвердил боярин. – И ныне проживает сей человек на Подоле, будучи гостем средней руки, который, являясь знатцем, кроме русского, ещё латыни, греческого и болгарского наречий мог бы вполне стать нужным в посольском приказе.

– Такой человек воистину ценен для государства. И желалось бы мне как можно быстрее его лицезреть! – объявил Владимир.

– Он здесь...

Великий князь стоял у открытого окна, словно высматривая в голубеющей дали обещанного со-ветчика.

– Проходи, друже, – сдержанно произнёс Владимир, присаживаясь на лавку.

Рядом поместился и Евфимий.

– Потребовалась срочная военная помощь? – спросил он.

– Да, – подтвердил князь. – Просят пятитысячную дружину под моим водительством.

– Не слишком ли много будет им чести?

Владимир каким-то особо внимательным, даже несколько пристальным и в то же время добрым взглядом удостоил Евфимия.

– Прости, ежели будет что не так, но дозволю прежде всего называть тебя Вокшею в память о твоей благодетельнице и моей бабушке Ольге.

Евфимий на то согласно кивнул.

– Нет, Вокша, нет, славный мой советчик, – проговорил далее Владимир. – Ради того, чтобы вывести страну из тьмы невежественного язычества, я могу пойти и на куда большее.

– Тогда станем мыслить в соответствии с требуемым. Какую и в каком качестве следует набирать дружину для предстоящего одоления ромейских бунтовщиков? – глубокомысленно проговорил бывший иеромонах. – Да и вооружение с воинской бронёй следует иметь отменное. У греков в наличии такие стрелы да копья дамасской стали, что не токмо латы, а и кольчуги из добрых колец с лёгкостью пробивают.

– Весьма своевременное замечание, – поддержал Вокшу Владимир. – У меня ещё давеча появилась об этом своя задумка.

– Ежели касательно супротивства с греками, могу поведать кое-что о византийской армии. Основой её ещё со времён предыдущих императоров являются так называемые «катафракты», или тяжеловооружённые всадники. Число таковых в двадцатитысячной императорской армии составляет от четырёхсот до пятисот человек. Одеты они в прочный панцирь, их руки закрыты кожаными перчатками и «наручами» с металлическими бляхами. Поверх панциря «катафракты» носят плащ, голова их защищена шлемом, а ноги – поножами. Лошади сих воинов покрыты специальным покровом из войлока. Во время атаки «катафркт» держит щит из воловьей кожи.

– Славно, что в нашем государстве теперь есть такой умудрённый жизненным и военным опытом человек, – словно самому себе изрёк Великий князь. – Сегодня я снова убедился, что лишь с принятием христианства для Руси откроются широкие врата учёности.

11

Осведомлённость у Добрыни о всех княжеских делах была невероятной. Словно бы и не опекал он каждодневно своего повзрослевшего воспитанника, как прежде, однако ничего из его начинаний не упускал из виду. И сразу понял: сейчас вмешательство воспитателя необходимо. Требовалось доставить в Киев самых испытанных и преданных Великому князю людей. Таковых надумал набрать тысячи полторы. К этому костяку добавить ещё некое количество, доведя его до шести тысяч. Но и эти должны быть самыми лучшими. Поэтому не позволил себе обращаться к удельным князьям. Ведал, что ради отписки пришлют такой сброд, с которым не токмо битвы выигрывать – с бабами вожжаться срамно.

Вот и отправился Добрыня по киевским домам да подворьям сам выискивать не одних способных к воинскому ремеслу, но и оружейных дел мастеров.

И потянулось к Добрыниному жилью многочисленное мужское население Киева, среди которого видели и христиан. Войско добровольных ратников продолжало увеличиваться. Владимир постоянно узнавал, как воеводы да тысяцкие исправляют свои обязанности. Слышал о них лишь приятное.

Тогда и принял решение собрать сведующих людей, которые смогут показать кратчайший и безопасный путь в Ромейскую державу.

Судили да рядили с раннего утра. Каждый знатец предлагал своё.

– Сухопутно следует ступать, – предлагал успешный в торговле боярин Горностай. – Ещё отец мой сказывал, будто Фракийским путём по болгарскому побережью к ромеям, но прежде по Славутичу плыть.

– Так в допрежние времена и было, когда дорогами владело спокойствие и никакие возмущения народов не проявлялись. А ныне западные пути – морской и сухопутный – наглухо перекрыты восставшими против византийского ига болгарам, – резонно заметил боярин Богуслав.

– А ведь и восточные проходы опасны по вине мятежных войск и флота! – обратился Евфимий к Владимиру, увидев, как ещё больше помрачнело лицо последнего.

– Что же нам теперь делать? – не испуганность, но некая настороженность во взоре и взволнованность в голосе слышались у Великого князя. – Не могу я ждать, покуда мятежники или болгары одумаются.

Взгляд Владимира более пристально упёрся в советчика, а оный сидел в полной задумчивости, созерцая пустоту. Так продолжалось некое время, даже бояре перестали судачить.

Внезапно Вокша повернул лицо к князю, – в его глазах плясали озорные огоньки:

– А ведь кто перекрыл нам движение по западному проходу, тот нам и поможет! Не напрасно же я прожил столько лет в болгарском монастыре.

Владимир с восторгом смотрел на своего нового советчика, уверившись в нём не только как в опытном проводнике, но и толковом человеке.

К середине лета завершился набор добровольной дружины, о чём Добрыня и уведомил Владимира. Тогда же он с вспоможением своих сподручников приступил к обучению всех собравшихся воинскому мастерству. И в этом неопределимую помощь оказали киевские варяги. Многие из оных участвовали в больших сражениях вкуче с русичами против ромеев, а также печенежских племён. Они, не теряя времени, сообразуясь со своими знаниями и опытом, приступили к ремонту и изготовлению судов, которые были способны ходить не только по морю, но и речному мелководью. А горожане по указанию Добрыни делали однодеревки, вмещавшие от двадцати до тридцати рагников.

Как все работы лодейные, так и обучение войска продолжались до наступления устойчивых холодов.

12

Ещё по-настоящему не кончился ледоход, старательно поторапливаемый ранним теплом, а Владимир отдал приказ о выступлении всего воинства. Ладьи шли на вёслах, но со спущенными парусами, надеясь на дуновение ветра.

– А в воздухе всё сильнее чувствуется дыхание весны, – вздохнул Евфимий.

– Каким дыханием она встретит нас на чужой земле? И как болгары отнесутся к появлению у них такой многочисленной дружины? – озабоченно вымолвил Великий князь.

– Мы будем обязаны не нарушать покоя обитателей тех мест, – плеснул миролюбием Евфимий. – Ежели доведётся вступить в какие сношения, постараемся вести себя подобно их гостям.

Продвижение дружины русичей длилось третий день, однако ни бунтовщиков, ни следов императорской армии не наблюдалось.

Владимир по просьбе Добрыни созвал военный совет. Решали и думали, как станут поступать дальше. Богуслав, знавший греческий, предложил помощь в разведывательном отряде.

И вскоре они действительно обнаружили довольно крупное воинство бунтовщиков, которое следовало на соединение со значительными силами под Хрисополь.

– Считаю просто необходимым ударить по врагам, чтобы предотвратить их усиление в будущем. Таким образом, мы уже окажем соправителям Константину и Анне нужную поддержку, – обратился Добрыня к Владимиру.

– А что же далее? – князь этим вопросом как бы положил начало возможному диалогу. – Думаю, нет необходимости ограничиваться таким незначительным выступлением.

– Естественно, мы просто обязаны находиться на виду войск соправителей. И следует заранее отправить в их стан посольщика с напоминанием выполнения договора о свойстве.

– А не рановато ли? Мне кажется, будто с этим можно пока повременить.

– Ни в коем случае, – решительно отверг Добрыня сомнения Владимира. – Если желаешь выполнить обговоренные условия, надобно твоей дружине идти в бой, и только победный!

Почти беззвучно шёл многотысячный отряд русичей. Солнце медленно, с неохотной ленцой вытягивало свой заспанный диск и поднимало над холмами, поросшими почти нехоженым густолесьем. Оно с подозрительным удивлением взирало на продвигавшиеся отряды прежде невиданных в этих местах воинов.

Конный десятник резво покинул седло и подошёл к Великому князю, окружённому верными людьми. Без уважительного низкопоклонства, как и требовал Владимир в походных условиях, не привлекая к себе внимания остальных, сообщил, что по довольно широкой равнине, зажатой с двух сторон горным лесом, неспешно следуют бунтовщики.

– По численности они немного уступают нам, в большинстве – пехота. Вооружением также не блещут.

– Великолепная возможность, государь, – трезво оценил сложившуюся ситуацию Добрыня. – Упадём словно снег на голову.

Исполнение приказа прошло весьма скрытно для врагов.

Из лесной чащи вышли лучники русов, пустившие вверх стрелы. Ромеи даже не успели прикрыться щитами. После атаки лучников по команде сотников вперёд пошли дружинники. Они умело рубились более длинными мечами в сравнении с византийскими акинаками, да и воинским мастерством бунтовщики владели в меньшей степени. Посему и потери с их стороны были большими. И в скором времени среди последних началось повальное бегство с поля битвы. Таких догоняли, убивая, либо издали поражали стрелами.

– Все они суть подданные ромейских венценосцев, и только последние имеют власть судить или миловать провинившихся в бунтарстве, – уточнил Евфимий.

Он по просьбе Добрыни сумел выяснить у пленённых о конечном месте сбора. Для него был избран древний город Абидос. Там же, по их признанию, состоится решающее сражение между восставшими и войсками императора.

В скором времени войско Великого князя приблизились к Абидосу. Издали виднелся стоявший на высоком холме императорский шатёр. Свирепого вида норманны преградили вход Владимиру, который зычным словом воззвал к слуху соправителя, чтобы последний отдал нужный приказ личной охране.

– Прошу к столу, мой северный собрат, – радушно улыбнулся Василий и протянул обе руки навстречу вошедшему Владимиру.

– Помолившись нашим богам и испросивши их вспоможения, мы разведали ночью большой отряд твоих изменников, а утром почти всех справедливо покарали. Привели в твоё становище только пленёнными около сотни.

Произнесённое князем поразило императора, который поманил к себе прислужника и повелел ему подтвердить или опровергнуть истинность слов киевского гостя. Недолгой оказалась проверка со стороны расторопного чиновника.

– Всё правильно, наимудрейший, – очередной порцией елейности одарил слуга своего повелителя.

– Это что же такое получается?.. – последний словно самому себе задал вопрос.

– А получается, – быстро нашёлся Владимир, – что я уже выполнил первую половину договора о свойстве. Второй половиной станет разгром восстания. В таком случае по первому моему требованию ваша сестра будет обязана появиться в Киеве вкупе с византийским духовенством.

– И там ты примешь истинно правильную веру, только после чего состоится обряд бракосочетания.

Далее Великий князь под провожающие взгляды императора и слуги возвратился к дружине, где и был встречен настороженно-ожидающими взглядами Евфимия и Добрыни.

– Теперь мы не будем лезть на рожон, – вполне обдуманно сообщил им Владимир. – Я совсем не имею желания ценой жизней моих людей хватать из огня горячие уголья для императоров.

– Ты правильно рассудил, – похвально молвил Добрыня. – Мы займём выжидательную позицию. Пусть два слабых зверя рвут друг дружке глотки. Наверняка кто-либо из них ослабнет быстрее.

Необычно ранним показался русичам этот апрельский восход солнца. Его ярко-багровый диск медленно поднялся из-за лесистого горизонта и разлил по равнине кровавый свет. Он мог как бы явиться тревожным предвестником скорого кровопролития. Ожидалась большая битва, которая должна решить: быть продолжению большого хаоса и произвола или наступит какой-то окончательный порядок.

Две огромные массы вооружённых людей ринулись друг на друга. И с обеих сторон чёрными тучами взвились стрелы. Более умелые и сноровистые сумели укрыться под щитами. Но многие не смогли спастись от оперённых жал, поэтому падали, поражённые насмерть. Она разными способами отыскивала себе жертву. Удар ли мечом, боевым топором или секирой, копьём чаще всего приводил к смертельному исходу.

Евфимий осторожно коснулся одежды Великого князя, чтобы обратить его внимание на нечто.

– Это те, о которых я тебе сказывал ещё в Киеве.

Такое действительно требовалось видеть. Воины, полностью облачённые в металл, словно бы рассекали сражавшихся на отдельные группы и, сидя на лошадях, поражали мечами и копьями пеших бунтовщиков.

– Счастье их в том, что это не Русь. Наши ратники просто стаскивали бы этих катафрактов с лошадей баграми либо крючьями и забивали, подобно беззащитной скотине, – выразил своё мнение Богуслав.

– Поэтому и была Русь ромеев постоянно, а оные со времён Рюрика платили Киеву дань, – уточнил Евфимий.

Он незаметно для остальных увлёк Владимира в сторону.

– Василию, видимо, удалось ликвидировать своего конкурента.

– Слышалось не единожды, будто Варда Фока недосыгаем не только для стрел, даже мечи и копья его не доставали, – усмешливо заявил Владимир и тут же повернул голову в сторону битвы.

Внезапно бунтовщики, видимо, получившие некое потрясающее известие, прекратили всякое сопротивление, попятившись назад, а после и вовсе побежали.

– Настало и наше время, – протянул вперёд руку Великий князь, давая тем знак к началу преследования бунтовщиков вместе с императорскими войсками.

– Теперь Болгаробойца въедет в столицу в зените славы, – с ноткой грустной иронии подытожил иеромонах. – И, подобно своим предшественникам, устроит раздачу хлеба и мяса, даже заплатит за жильё всем беднякам.

– Для нас главное – выполнение с их стороны договора о свойстве и прибытие в Киев царевны Анны. Мне уже не терпится завершить крещение государства, дабы встать наравне с христианской Европой. Надоело постоянно слышать о варварском князьке с гаремом, подобно агарянским вождам.

Василий II и в самом деле возвратился в Константинополь истинным триумфатором. Константин VIII сделал всё возможное, чтобы массы бедного охлоса и даже аристократы вышли на главную улицу Месу для встречи войск победителя. Те торжественно проследовали до казарм, осыпаясь весенними цветами и ветками жасмина.

14

Дружина Владимира приближалась к указанному сопровителями месту. Уже опять повстречались болгары, которые очень живо восприняли победу русичей. А после рассказа о полном разгроме бунтовщиков горячо благодарили славянских братков.

– Всё сие хорошо, – со скрытой горечью излил Евфимий. – Только как бы нам после этой военной победы не познать поражения в делах, нами задуманных. Сопровители вполне могут презреть обещанное. Я знаю ромеев, это весьма двуличный народец, подобный латинскому Янусу.

– Пусть только попробуют отказаться. Мне совсем не трудно повернуть к столице... – напрягся Владимир. – Или пойдём на покорение Херсона!

Следующим днём, словно бы в подтверждение опасений Евфимия, ни с чем вернулись послы к императору. Оказалось, что Василий II даже не соизволил принять их в своей зале, как того требовал древний обычай. Тогда послы обратились за помощью к Константину VIII, на что последний лишь скромно развёл руками и сдержанно выразился, почти точно повторив известное латинское изречение: «Я сделал всё, что смог, пусть те, кто сможет, сделают лучше».

– Напрасно мы затеяли эти выспрашивания, – в оправдание своему поступку высказался Владимир.

Предстоял трёхдневный переход, прежде чем киевская дружина могла бы достигнуть оставленных кораблей. Все дни шли по абсолютно безлюдной местности, где, возможно, никогда не ступала нога человека. Кормились когда рыболовством, когда удавалось поесть убою косуль, лосей и кабанов. Однажды, совершенно случайно, на стоянку вышел большущий медведь. Возможно, его привлекли запахи готовящейся еды. Ратники для начала подманили косолапого поближе, а затем метким броском копья завалили его. Медвежатина всем пришлась по вкусу.

К началу четвёртого дня пути войско русичей покинуло лесную чащобу, наконец увидев свои оставленные лады.

15

Уже второй день они плыли на север. Ветер уверенно подгонял лады, напористо наполняя их паруса. Благодаря этому гребные палубы пустовали.

Утром Евфимия разбудили громкие голоса ратников, которые что-то восторженно обсуждали наверху. Он поспешил на палубу. На взгорье широко раскинулся со всех сторон окружённый ярко-зелёными виноградниками древний город-крепость Херсон со множеством христианских церквей и часовен. Солнце, уже поднявшееся довольно высоко, играло золотистыми блёстками на застеклённых окнах городских жителей. Это и вызвало у ратников Великого князя бурный взрыв восторженных высказываний. Русские люди, привыкшие с давних пор к бычьим пузырям да слюдяным вставкам в маленьких окошках изб, дивились изобретательности херсонцев.

Лишь солнечный диск утвердился на полуденном престоле, Владимир повелел трём сотникам отправиться в город для вручения ромеям документа с решительным требованием добровольно открыть ворота. В случае отказа – штурм со всеми вытекающими жёсткими последствиями.

Минуло не более полутора часов, после которых посыльщики поведали, будто их никто так и не принял.

Внезапно ратники прокричали о выходе из города большой воинской силы. Впереди на конях отряд возглавляли катафракты, за которыми россыпью бежали велиты, вооружённые мечами и копьями.

– К оружию! – прозвучал зычный призыв сотников Владимира.

Ратники выпрыгивали из ладей и сразу вступали в сражение. Греческие пехотинцы старались держаться ближе к своим «железным» всадникам и поражать русичей, скрываясь за крупами лошадей. И надо признать, подобная тактика вначале себя оправдала. Тогда дружинники Великого князя начали использовать корабельные багры и стаскивать ими кавалеристов с коней, а после закалывать копьями или отрубали им головы.

Катафракты мало что успели сделать, как их большинство уже было убито. Кони всадников, также облачённые в железо, беспризорно носились по месту битвы. Русичи воспользовались этим, изловили их и отвели к ладьям.

Наконец дружинники Великого князя воспрянули духом и погнали херсонцев к стенам их града. Ворота на некоторое время открылись и приняли своих воинов. Никто из киевлян не успел попасть внутрь.

– Похоже, что жители Херсона сдаваться не собираются... – мрачно подытожил произошедшее Великий князь.

– Греки со времён осады Трои слыли настойчивыми в достижении цели, – вздохнул Евфимий.

– Ну что ж, посмотрим, насколько у них хватит сил для достойной обороны, – строго усмехнулся Владимир. И неожиданно для самого себя и всех мужественно произнёс непривычные для многих русичей слова: – С нами Бог!

Они, тем не менее, словно придали всем сил и уверенности в победе.

Великий князь снова созвал военный совет, чтобы принять единственно правильное решение по захвату Херсона. Однако до вечерней зари так никто ничего дельного и не предложил.

А следующим днём, едва раскинулись солнечные лучи, городские ворота Херсона выпустили отряд вооружённых воинов. Впереди них опять ехали закованные в железо всадники, хотя и меньшим числом, да и пехотинцев поубавилось. Позади этого воинства с цепями на руках и ногах рабы передвигали катапульты. Ими ромеи вознамерились бросать на русичей горящие шары из просмоленного тряпья. Оно попадало на человека, вспыхивая пламенем.

Это весьма обеспокоило Великого князя, поэтому он повелел главному воеводе немедленно уничтожить катапульты. Вот только как это сделать?

– Всё очень просто, – ответил Добрыне Евфимий. – Не зря же говорят на Руси, будто клин клином вышибают. Вот и вернём грекам обратно их огонь.

Самые меткие лучники огневými стрелами стали выстреливать в катапульты, изготовленные из хорошо просушенного дерева. Огонь быстро находил в нём для себя хорошую пищу. И пока ромеи опомнились, их метательные приспособления уже пылали. А русичи снова сплочёнными рядами погнали хозяев к стене и побили с большим для тех уроном.

Минуло совсем немного времени с момента очередного выхода херсонцев за пределы городской стены, как дозорные русичей донесли новую весть: к их стоянке идут от города трое переговорщиков вместе с важно шествующими представителями городского совета, что очевидно явствовало по их нарядным официальным одеждам.

Когда оные вручили Добрыне пергамен с печатью города, один из сановников в довольно вежливой форме стал о чём-то просить Великого князя.

– Что он лопочет? – спросил тот у Богуслава, а тем временем передал пергамен подошедшему иеромонаху.

– Они просят нас отдохнуть от атак дня три, – дословно перевёл тот слова ромея.

– Скажите им, чтобы отдали город без всяких условий, тогда жители будут помилованы... – нахмурился Владимир. – А ежели не сдадутся, не являть к ним никакой милости! А город сей мы можем брать приступом хоть три лета, покуда не возьмём. Потребуется какая подмога, из Киева ещё придёт. Русь людьми богата!

Ничего не ответили послы на требование Великого князя. С опущенными головами возвратились в раскрытые для них ворота.

– Скорее всего, питают надежду на поддержку Константинополя, – не преминул высказаться Евфимий. – Только до сей поры находятся в полном неведении о событиях в империи. В таком случае нам следует ускорить насыпание земли к городской стене, но делать так, чтобы греки и далее ничего не ведали про готовящийся штурм.

Через несколько дней Владимир вдруг повелел срочно призвать в свой шатёр Добрыню.

– Ты знаешь, по какой причине, сколько бы наши воины ни сыпали к крепостной стене землю, она не прибавляется? Мне ушлые люди донесли, что горожане через сокрытый подземный ход убирают её. Так что мы можем стоять здесь неведомо долгое время.

– Что же в таком случае нам порешить?

– Потребно скрытно проникнуть в город и найти среди ромеев предателя. Наверняка под стеной существует некий тайный ход. По нему горожане получают с морского побережья от греческих купцов продовольствие и всё прочее.

16

И такой человек нашёлся. Им стал протопоп Херсонского храма Анастасий, который понимал, чем для его родного города может стать неотвратимо приближающийся. Вон уже прибыла к Владимиру множественная подмога со всех концов Руси. Не желая кровопролития, он согласился, как стемнеет, идти до Великого князя.

Шёл, таясь, закоулками до крепостной стены, далее миновал какие-то трущобы. Там при свете факела открыл крышку потайного люка в земляном полу и начал спускаться по ступеням из грубо обработанного песчаника.

Он смело шёл вперёд. И наконец перед взором обрадованного протопопа предстала стоянка русичей.

Но подойти к ней беспрепятственно не получилось.

Зычный голос стоявшего в дозоре викинга остановил его.

– Мне потребно увидеть Великого князя! – уверенно проговорил протопоп.

Однако дозорный никак не хотел пропускать его. На шум от ближнего костра отделился какой-то человек. Это был Евфимий. Тот придирчиво взгляделся в лицо ромея и столь же тщательно осмотрел его внешность. Евфимий сразу определил в нём местного ромея и священника, ко всему хорошо изъяснявшегося на русском. Он немедленно увлёк его в шатёр, предварительно попросив говорить потише.

– Князь пока почивает, утомился за день. Я у него в доверенных, поэтому сказывай мне всё без утайки.

Обрадовавшись, что встретил такого же ромея на русской службе, Анастасий выложил ему, каким образом можно тайно проникнуть в город.

– Мил человек, – восторженно прошептал Евфимий, в волнении путая русские слова с греческими, – да тебе ж цены нет!

Евфимий повелел постельничему боярину устроить сего человека на ночлег, ибо в его присутствии заинтересован сам Великий князь.

– Что за срочная нужда во мне?! – озабоченно проговорил только что проснувшийся Великий князь.

– Этот человек знает о скрытном ходе под городской стеной... – изрёк Евфимий, склонив в почитении голову.

Владимир строго помолчал.

– А этот беженец не императорский засыльный?

Евфимий некоторое время молча стоял, обдумывая возможные варианты ответа.

– Вряд ли, я бы сразу почувствовал в его словах ложь. Верь мне, князь. На своём веку я слышал много неправды, поэтому научился отличать её от истины.

– А коли так... – вздохнул Владимир, – поднимай без промедления две передовые дружины под водительством воеводы Олега. К восходу отряд должен главенствовать над городской обороной.

Вернувшись в покои, Великий князь задумался. Было ли это всё, сейчас произошедшее, чистой случайностью? Хотелось, очень хотелось, чтобы Божественная сила распростёрла над Русью свою благословляющую длань. А как оно потребно сейчас для всей его земли!

Внезапно Великий князь опустился на колени. Впервые, само собой так вышло. На какое-то мгновение он задумался. К кому обращаться? Ни Перун, ни тем более Дажьбог и Велес с Мокошью не смогут оказать ему более истинного содействия...

Рука сама потянулась двумя перстами ко лбу, затем переместилась к груди, далее – к правому плечу и левому. Губы прошептали:

– Господи, Иисусе Христе, ежели Ты воистину Бог Единый во всех лицах, прояви свою власть. А я...

Снова произошла заминка, ибо Владимир почувствовал, что необходима какая-то жертва, причём лично от него.

– Ежели сумею покорить хвастливых и заносчивых автохтонов, лично в Херсоне приму здешнюю веру. А благодаря тому и весь народ русский увидит свет христианства.

Тихо, почти бесшумно по приказу Добрыни от костров встали более четырёх сотен самых умелых и решительных ратников, побывавших во многих битвах.

Вскоре они беспрепятственно подошли к потайному ходу.

– Чувствую, не обошлось тут без лукавого, – вздохнул Анастасий. – Согрешили чем-то херсонцы перед ним.

Будто бы в помощь русичам луна предстала на ночном небе во всей своей красе. И разлила яркий свет голубоватой бледности. Княжеские дружинники быстро справились с дозорными и охраной города, даже не потревожив спокойствия жителей.

Поднявшееся солнце яркими лучами приветствовало русичей в покорённом Херсоне. Великий князь повелел отыскать подходящий его положению особняк, чтобы в нём ожидать посланцев городского совета, которые были обязаны принести ему клятву верности.

В тот же день делегация городского совета прибыла в резиденцию Великого князя. Её возглавлял магистр Леонтий Хрисокефал. Вместе с гражданскими явился херсонский епископ Иаков. Он вошёл в зал в сияющем облачении, с обсыпанной жемчугами митрой на голове. Был тот человеком тучным, с лицом, заросшим до глаз чёрной бородой. Иаков держал в руках дикирий и трикирий, оными осенил помещение и всех собравшихся. Священники, шедшие следом, пели стихиры.

Владимир, окружённый самыми знатными своими воеводами, сидел на обшитой золотой материей скамье. Пальцы его украшались перстнями. Это была рука человека, возвращённого в холе. И тем не менее лишь простая белая рубаха и такие же штаны прикрывали тело князя. На ногах виднелись сапоги с зелёными ремнями. Один из воинов держал над ним голубое знамя с изображённой лилией. Именно оно являлось знаком того рода, из которого происходил Владимир.

Анастасий продолжал смотреть на него с большим любопытством. И видел человека лет тридцати пяти, высокого роста, стройного, с широкими плечами, но тонкой талией. Под рубахой чувствовались сильные мышцы. Глаза блистали голубизной, и над ними нависали дуги густых рыжеватых бровей, разделённых плоским носом. На щеках играл лёгкий румянец. Он явно брил подбородок, оставляя длинные усы. Копну русских волос не украшала никакая диадема. Ещё заметил протопоп, что левое ухо князя украшала серьга. Но почему-то не хотел тот носить бороды, которая делает честь мужу и христианину.

Для ромеев приготовили скамьи, покрытые красивыми материями. Председатель управы с привычной торжественностью стал раскладывать письменные принадлежности на небольшом мраморном столике, позолоченные ножки которого неизвестный мастер изготовил в виде когтистых лап. Владимира он называл то «новым Моисеем», то «вторым Константином», уверяя, будто он «равноапостольный», ибо вознамерился вывести свой народ из языческого мрака и идолопоклонства в свет истинной церкви.

Владимир предложил мир, обещая вернуть грекам захваченный город и всю Таврику, но требовал соблюдения обещаний, данных базилевсами.

Великий князь сердито дёргал ус. Победа лишила его уступчивости. Государь настоятельно хотел не только руки Анны, но и целого ряда привилегий и отмены невыгодных торговых соглашений. Мало того – был бы не прочь носить диадему с жемчужными украшениями, как и подобает государям.

– Позволь сказать тебе, архонт, что блаженной памяти император Константин Великий оставил грозное и ненарушимое запрещение. Оно гласит, будто василевсы не могут заключать брачные союзы с народами, нравы которых не сходны с византийскими. Особенно запрещается им родниться с не принявшими святое крещение.

– А у тебя, – внезапно поднялся Никифор Ксифий, – как нам известно, в Киеве самый настоящий сарацинский гарем с сотнями развратных наложниц...

Владимир раздражённо хмыкнул и уже было хотел что-то строго ответить. Но внезапно встал сидевший поодаль Евфимий и лёгким движением ладони попросил слова:

– Оба соправителя страстно желают брачного союза и считают родство с нашим государем большой честью. Ибо весомая часть договора им выполнена. Остальное исполнится после приезда царицы Анны в Херсон. Таким образом, здесь написано всё, в чём базилевсы обязались перед нами и клятвенно обещали выполнить. Время не терпит. Или вы соизволите подтвердить свои слова делом, или мы с нашими братьями болгарам возьмёмся за оружие.

– А как же ты обещал возратить императорам Херсон? – уже просительно сложил руки магистр.

– Когда прибудет сестра соправителей, я вместе со своими людьми покину ваш город, – не поднимаясь, отвечивал Великий князь.

Константин, в отличие от брата, весьма болезненно принимал к сердцу разногласия с Киевом. Ему вовсе не хотелось наживать для своей империи новых врагов, которых у Византии и так было превеликое множество в лице сарацин, агарян и прочих.

Русь, издавна являвшаяся постоянным противником ромейских правителей, теперь, в результате её желания принять христианство, превращалась в неожиданного союзника. Вот бы и продолжить подобное сотрудничество на взаимовыгодных условиях! Но Василий вставляет палки в колёса союзнической телеги, которая пока едва тронулась с места.

Когда прибыли посланцы от Владимира протопоп Анастасий и воевода Олег, Константин повелел себя соответственно обрядить. Спустя некое время уже не стало видно его жалкого тела, подверженного недугам и страстям: оно укрылось в пышных складках материи, золоте инсигний и в совокупности всех знаков верховной власти.

Император остановился перед огромными дверями, возле которых стояли два силенциария. Они и возвестили о выходе государя. И тотчас из других дверей в зал вступили посланники.

Анастасий шагнул вперёд, развернул перед собой свиток и начал читать: «Посылаю сию грамоту самодержцам ромейским Василию и Константину, сынам Романовым, говоря такое: “Сей град ваш славный я взял, а слышал, что вы сестру имеете деву, прошу, чтоб за меня отдали и тем мир вечный утвердили. Ежели сего не учините, то имею намерение идти ко Царьграду и, может, то же учиню, что и сему”».

В толпе придворных и прочих приглашённых послышались вздохи и проклятия разным скифам, венедам и прочим варварам.

Протопоп лично вручил императору послание Великого князя и встал рядом с воеводой.

– Мы продумаем и к утру завтрашнего дня наши намерения соответственно оформим, – был ответ. Василий ещё с позднего вечера отбыл на заячью травлю.

Возвращение его с доброй охоты омрачило известие о визите посланцев Владимира.

– Ты и дожидаться меня не соизволил, сам принял решение! – строго вздохнул он.

– Да, – спокойно ответил Константин, глядя на озадаченного Василия. – Просто не хотел держать посыльщиков в неведении длительное время и содержать их, как предписано в данном случае всеми правилами. Им нежелательно, и мне одному накладно.

– Они – варвары, дикари, питались бы и жили, где хотели, коль приехали по делам.

– Не скажи, братец, – продолжал урезонивать Василия Константин. – Насколько я помню, мы вместе с тобой составляли и подписывали договор с Киевом об оказании нам военной помощи в подавлении бунта. Где бы мы были сейчас, не выполни Владимир своего обязательства? На плахе или, в лучшем случае, в рабских цепях долбили бы мрамор в Анатолии. Так что уйми свою гордыню. Я сделал всё согласно нашим законам. Поэтому давай-ка составим ответ для Киева и отпустим посыльщиков Владимира с Богом.

19

Владимир в большом нетерпении расхаживал по залу в ожидании своих византийских посланцев. И как только Анастасий с Олегом показали в двери, решительно взял у них столь важную грамоту и поспешно прочёл: «Недостойно для христиан за неверного отдавать, вот ежели крестишься, тогда не будем отказываться, поскольку и тебе сие двойную пользу принесёт, ибо через крещение не только сестру нашу себе в жёны, но и Царство Небесное получишь, и с нами в любви и дружбе будешь. А ежели сего не захочешь учинить, не можем дать сестры своей».

– В некоторой печали находились сопровители... – молвил Анастасий. – Сестру не желают отдавать, ибо ведают твоё неумеренное женолюбие.

– Однако представили себе все возможные беды от грядущей войны с тобой и согласились на родство, – сообщил воевода.

Владимир остался вполне доволен таким ответом и позволил посыльщикам краткий отдых с условием срочно отвезти послание императорам с таким содержанием: «Поскольку я, довольно веру христианскую испытав, познал, что вера эта есть правая и закон ваш лучше, нежели мы держим, сего ради готов креститься и люди моя также. Но не приму крещения до тех пор, покуда сестру вашу и учёных священников не получу».

И снова пришлось посыльщикам вдыхать солёный запах моря и слушать визгливо-госкливые выкрики чаек. Но теперь они должны были возвратиться назад только в мае. В другое время плавание по бурным водам Понта слишком опасно.

Однако пришла неожиданная подмога от болгарских купцов, знавших сухопутную дорогу по своей территории через земли валахов и тиверцев. С купеческим караваном воевода с протопопом вернулись в Херсон и сообщили о результатах переговоров в Константинополе.

20

Отъезд посыльщиков обострил необходимость разговора с Анной. Василий хотел было устранить от него, не желая даже ступить на территорию, занятую сестрой. Но Константин сделал акцент именно на этом, и настоял на своём. Брат покорился его стремлению как можно быстрее завершить все условия договора и тем обезопасить границы империи от вторжения южных и северных славян.

Братьям пришлось идти по анфиладе комнат: у многих дверей стояли вооружённые мечами, копьями или алебардами охранники, набранные из норманнов, славян и сарацин.

– А если Анна откажется соглашаться на наше предложение? – осведомился Василий, устраниваясь возле небольшого фонтанчика в виде скульптуры мальчика, изо рта которого вырывались сверкающие в свете факелов струи прозрачной воды.

Константин присел рядом на скамейку, покрытую великолепной мягкой левконской шерстью и обшитую узорчатой материей с золотой нитью.

– Вот с такой целью я и приказал прийти сюда патриарху. Когда уста нашей обожаемой сестрицы вымолвят отказ, она тем самым подтвердит моё твёрдое решение удалить её в один из глухих монастырей восточной Анатолии.

– Ты снова поскупился посоветоваться со мной?.. – нервно заёрзал на скамейке Василий. – Почему опять презрел моё мнение?

– В какой-то мере я предвидел степень твоего возмущения, но притом не сделал ни единого шага против закона. Для начала я обратился за помощью к патриарху, нашему духовному наставнику. Он присоветовал дождаться очередного тайного заседания синклита, на который и предложил вынести сей вопрос для обсуждения. И синклитики объявили свой вердикт.

– Обошли нас с сестрой со всех сторон... – с угрюмой откровенностью вырвалось у Василия, внезапно увидевшего патриарха.

Тот шагал, будучи облачён в обычное платье. Оба императора поднялись со скамьи и подошли к пастырю. Далее поступили согласно принятому обряду: поклонились и припали губами к его руке. Другой рукой святой отец благословил их.

– Я весь во внимании, дети мои, – произнёс патриарх полуголосом.

Василий незаметно толкнул локтем брата и тем дал ему приоритетное право ответить патриарху.

– Мы пригласили тебя, нашего пастыря, чтобы ты помог нам уговорить Анну поехать в Херсон для бракосочетания с киевским князем.

– Пусть этот дикарь сначала примет святую веру и откажется от своего огромного гарема! – внезапно как опалил всех своей невыдержанностью Василий.

Патриарх и ухом не повёл в его сторону.

– Сей доблестный архонт, насколько мне ведомо, вовсе не дикарь. Он намного превосходит в грамотности королей франкских, английских и конунгов скандинавских. Сам слышал лично от доверенных лиц, будто он почти отлично изъясняется на греческом, знает латынь. В этом он уподобился своей бабушке, небезызвестной у нас княгине Ольге, которая в подлиннике читала Гомера и Эврипида.

Патриарх на некое время прервал свою речь, но после протянул руку вперёд:

– Пойдёмте к Анне, станем вместе увещевать сию девицу, чтобы она стала законной правительницей Руси вкупе со своим сиятельным супругом.

...Братья и пастырь обнаружили сестру сидевшей в окружении подруг и прислужниц, одна из которых бережно расчёсывала волосы своей госпожи. В то же время какая-то вельможная матрона играла на кифаре и негромко пела.

Повинуясь красноречивому знаку императоров, всё окружение их сестры незамедлительно вышло вон.

И тогда братья начали уговаривать сестру, на что она им отвечала:

– Лучше здесь смерть принять, нежели с неверным сочетаться.

Патриарх понял, что именно теперь он должен сказать своё весомое слово.

– Во-первых, ежели ради тебя на Руси примут закон Божий и крестятся, то следует Великое воздаяние от Бога ожидать. Во-вторых, ещё не ведаешь сама, что Ромейская держава много зла от русичей претерпела, оное и продолжает ныне, а через сие ты избавишь отечество своё от бед многих и примешь вечное всенародное благодарение.

Этим все трое, наконец, склонили сестру и утвердили клятвой договор с Владимиром. Между прочим, сему соглашению немало поспособствовал недвусмысленный намёк патриарха на пустую монастырскую келью в дальних краях Анатолии.

Вечером того же дня по именному указу соправителей от начальника порта потребовалось изыскать необходимый корабль для переезда императорской сестры в Херсон. Выбор пал на дромон «Двенадцать Апостолов», который с особой тщательностью стали готовить к плаванию. Наварх судна, получивший от экзарха столицы определённую мзду, лично обошёл все городские таверны в поисках самых рослых и благообразных моряков. Всем набранным обещали двойную и даже тройную оплату за безопасный перевоз царевны через Понт Эвксинский в Херсон.

Всю вторую половину ночи при свете луны рабы городского главы и начальника порта отмывали от нечистот всю близлежащую территорию, которую после устилали коврами и домоткаными дорожками. Таковые были собраны из богатых домов, прилегавших к Ипподрому и Вуколеону.

Уже полуденное солнце бодро осветило городские кварталы, когда шумная и многоликая процессия протянулась от Большого императорского дворца к Вуколеону и гавани, куда ещё с ранним рассветом наварх перевёл своё судно. По велению губернатора столицы этериархи вывели из казарм отряды гвардейской стражи. Они с честью выполнили свои обязанности, предотвратив наплыв толпы горожан, спешивших поглазеть на императоров с их сестрой.

Анна со слезами на глазах прощально облобызала братьев, целовала родственников и подруг.

Константин откровенно рыдал:

– Прощай, сестра! Словно в гроб кладу твою красоту! Да не погубит тебя гиперборейский климат!

Анна взошла на дромон и встала на палубу, устланную коврами до самой каморы царевны, которая могла вместить всех вельмож, пресвитеров и учёных мужей под главенством епископа Михаила. Кстати, ему уверенно обещали место первого митрополита Руси.

Тогда и сбылись незряшные чаяния городских нищих и охлоса. Императоры щедро бросали в толпу медные фоллы, среди которых белыми блёстками порой мелькали и серебряные милиарисии.

Дромон развернулся по ветру и взял курс к Босфору.

21

Ожидание переполнило чашу терпения Владимира, – он не находил себе места. Даже, к удивлению всех приближённых, прекратил свои неуёмные пиршества.

В один из дней, когда ожидалось прибытие судна с Анной, Владимир обратился к Евфимию с неожиданным предложением:

– Слышать доводилось не единожды, будто у многих еуропских монархов существуют так называемые духовные наставники. Не ведаешь ли, какова в них потребность?

Услышав подобное, бывший иеромонах несколько смущённо улыбнулся и отвёл глаза в сторону. Владимир заметил это.

– Не уходи от ответа, друже, мне очень важно знать всю меру значимости таких людей.

– У меня родилось подозрение, что ты желаешь предложить мне стать твоим духовником. Вообще, обычно это служители средней духовной иерархии. Они выполняют самые разные церковные службы: причащают, крестят новорождённых... Такие священники обычно становятся самыми близкими людьми в достойных семьях.

– Догадлив ты зело! Именно так... – усмехнулся Владимир. – Желая, чтобы после принятия здесь мною христианства потом в Киеве именно ты лично привёл к Единому Богу моих детей.

...По велению епарха местные дозорные и стражники постоянно стерегли горизонт в ожидании прибытия судна. Оно и появилось одной ночью.

С восходом солнца почти все уже знали о высокой столичной гостье.

Известили и Владимира, который с радостным настроением готовился к встрече с будущей супругицей и владычицей Руси.

«Каковою окажется сия дева? Не крива ли образом, статна ли телом, чиста ли помыслами да кожей? – доставали его скрытые сомнения. – Ежели будет какой ущерб, упрячу в монастырь! Не допущу к власти и к себе...»

Скоро потеплел сердцем Великий князь, взглядываясь в приближающуюся ромейскую девицу: ясно разглядел и красоту явную, и что приятно смугла лицом, весьма благообразна, волос густ, а цветом – смоль. Глаза черны, огнём горят. Сама стройна и выступает павою. Народ при её прохождении кто падает ниц, кто на колени, кто кладёт поясной поклон. Она же при встрече с людьми гордо вскидывает головку на высокой шее, обильно украшенной золотом и жемчугами.

Епископ поблагодарил сиятельных венценосцев, пославших свою сестру в благодатный Херсон. Далее вся процессия направилась к дому, занимаемому Владимиром.

И там сразу по дозволению его гости проходили к накрытым столам, уставленным изысканной ромейской посудой и разнообразными необыкновенными яствами.

Пировали по традициям русичей, чем поначалу коробили педантичных греков, но после зычных заздравных тостов в их честь от чопорного жеманства не осталось и следа.

22

Владимир просыпался медленно. Солнце уже встало и осветило весь спальный покой и уголок, за которым притаилась комнатушка Евфимия, более напоминающая монастырскую келью.

Князь поморщился, вспомнив прошедшее торжество. На нём он с явным излишеством употребил особенно понравившиеся ему критские и сирийские вина.

Отец, князь Святослав, на коего и был более всех похож Владимир, очень любил пиршества. Порою привлекал на них и сына Малуши. Она, понятное дело, не могла перечить господину.

– Пей, байстрюченок, привывайкай бражничать, – говаривал Святослав и залиvisto хохотал под одобрительные возгласы дружинников и бояр. – Мы есть потомки Рюрика, норманнского конунга, а оный согрeвался от холода хмельным.

Ярой противницей подобных застолий всегда была Ольга. Княгиня всегда старалась отвлечь внука от соблазна пития.

Владимир открыл глаза, но почему-то видел лишь темноту.

Полежав немного, надумал одеваться. Привычно взял убранный платье, но не смог найти остальное одеяние. Тогда и пришла мысль позвать кого-то, чтобы осветили комнату.

Послышались шаги какого-то уверенно ступавшего человека. Кажется, тот остановился в дверях.

– Принеси мне свечи, я буду одеваться... – глухо проговорил Великий князь.

– Да что ты, государь, – послышался голос Евфимия, – светлый день не кончился! Всё вокруг хорошо видать.

Владимир сидел с поднятым вверх тревожным лицом, уподобившись слепцу.

– Эвона... – изумился иеромонах, – да ты никак потёмой стал...

– Призови ко мне немедля ромейского лекаря, друг Вокша.

– Сейчас пошлю Анастасия, он хорошо город знает.

Евфимий так и сделал, одновременно заглянув в апартаменты Анны.

– Ты говоришь, будто Владимир ослеп? – взволнованно задумалась она. – Нет смысла посылать за лекарем, ему сейчас поможет только иерей и немедленное крещение. Вообще я сейчас сама выйду к нему, если соизволит принять меня.

Анна стремительно вошла в спальный покой князя, у постели которого обнаружила Анастасия и местного лекаря. Последний уже, видимо, осмотрел своего пациента и склонился в приветствии, беспомощно разведя руками.

– Хотя братьев моих и меня ты твёрдо обнадежил, будто желаешь принять святое крещение, ныне же, слыша о твоей болезни, я разумею, что некоторым собственным намерением или другим соблазном вознамерился ты оное отставить. – Ольга тяжело вздохнула: – Разве лучше тебе по-прежнему оставаться в темноте неведения Творца всего Сущего? За это тебя всемогущий Бог сею болезнию и наказал! Но ежели хочешь избавиться от неё, то скорее крестись.

Великий князь, услышав такое, приподнялся на локтях. Он будто чувствовал, что возле него собралась все его соратники и приближённые, поэтому и обратился к ним со вздохом:

– Ежели истинно сие сбудется, что прозрю от крещения, то поистине Великое чудо содеял Бог надо мною. Поэтому повелеваю тотчас окрестить меня и всех пожелавших из моего ближнего окружения.

Оба епископа узнали о желании Великого князя принять священный обряд по греческому закону, и тем были весьма обрадованы. Анна выразила желание помочь будущему супругу, а он призвал своего главного советника Евфимия.

– Мне безразлично, где, главное – скорее... – устало вымолвил Владимир, смежив веки.

Утром следующего дня к Евфимию пожаловали сестра императоров, епископы Иаков и Михаил. Они озвучили совместное прошение к киевскому архонту окрестить его и киевских вельмож в церкви святого Иакова.

После согласия Владимира его вместе с Анной поместили в паланкин.

Прибыв к храму, Великий князь неспешно ступил под священные своды. Далее Владимира подвели к купели диаметром восемь локтей. Сам епископ Михаил начал читать закликательные молитвы.

По подсказу Евфимия Владимир произнёс отречение от Сатаны:

– Отрекаюся! – со страстью молвил Великий князь, притом дул и плевал три раза, оборотившись назад, через левое плечо.

Владимира сразу повернули на восток, ибо оттуда явился Христос. Потом раздели с помощью Анны, и епископ трижды погрузил его в тёплую воду, подобную реке Иордан, где Иоанн Предтеча окрестил Сына Божьего.

Пока Анна надевала на Великого князя белую одежду и крест, епископ пел тропарь: «Ризу мне подаждь светлу, одеяйся светом, яко ритзою, милостиве Христе Боже наш». Далее он миром мазал чело Владимира, очи, ноздри, уста, уши, грудь, а также руки и подошвы ног, произнося слова: «Печать Духа Святаго!»

И вдруг, испугав всех, громогласно возопил Великий князь Владимир, радостно оглядываясь по сторонам своими синими ясными глазами:

– Ныне изведал Бога истинного!!! Его всемогущество и милость!!! Я снова увидел свет Божий!

Остриженные княжеские волосы залепили в воск, отдав Евфимию, который бросил их в купель и смотрел, не потонул ли оный, но ничего не произошло, поэтому выходило, что окрещённый будет жить долго.

– Повелеваю и всем моим приближённым принять святое крещение! – радостно проговорил Владимир, властно оглядываясь по сторонам.

После обряда все русичи, вкуче с их князем, принявшим христианское имя Василий, по указанию последнего и с согласия магистра и епарха Херсона, устроили пир.

Следующим днём, когда солнце взошло на престол своего Великолепия, Великий князь в сопровождении ратников проехал по главной улице города. Лавочники и ремесленники выходили из построек. И Владимир бросал им медь с серебром, крича, чтобы они благословили его на венчание с ромейской царевной. Простые горожане в ответном порыве благодарности вослед Великому князю поднимали руку вверх и осеяли его греческим крестом, а уста их взволнованно шептали: «Да хранит тебя Господь, чужеземец!»

23

Бракосочетание назначили в церкви святого Иакова.

Епископ Иаков ожидал новобрачных, которые прибыли к храму, как и установлено, поодиночке. Владимира сопровождали Добрыня и Евфимий, который ещё в пути молвил государю мудрое слово: «Жену свою любите, но не давайте ей над собою власти». Анна появилась в сопровождении епископа Михаила и почти всех сановных женщин, прибывших с ней из Константинополя.

Молодой вёл свою невесту за правую руку. Во время шествия со звонницы их многоголосо приветствовали бодрыми колоколами. Перед дверью церкви священнослужитель благословил молодых крестом. Они стали посредине храма против сиявшего позолотой алтаря, украшенного высоким иконостасом.

Великого князя держал под руку Евфимий, назначенный дружкой, императорскую сестру Анну – вельможная дама. По знаку епископа над молодыми подняли венцы: золотой достался князю, как символ солнца; серебряный – Анне, как знамение месяца и в предъявлении подчинённости последнего первому. И далее епископ Иаков вопрошал молодых о согласии на вступление в брак и жизни друг с другом в счастье и горести, верности и покорности, покуда смерть не разлучит их. Получивши такое, произнёс: «Венчается раб Божий Василий рабе Божией Анне, аминь. Венчается раба Божия Анна рабу Божию Василию, аминь». И сразу же Евфимий одел на безымянный палец правой руки князя золотой перстень. Анна получила на свой палец серебряный. По окончании обряда епископ Иаков поучал молодых, как жить в миролюбии и богобоязни: посещать церкви, давать подаяния и так далее.

Приехавших к дому молодых осыпали хлебными зёрнами и лепестками роз. Далее они вошли в зал и сели за свои столы. Восковые свечи горели в трёх раскидистых паникадилах, висевших под потолком, как три солнца.

На пир пригласили только тысяцких и воевод, а из местных – самых знатных и богатых. Ещё не отошёл в область предания древний северный обычай, когда женщины сидели за столом попарно с мужчинами, и они пили вино из одной чаши с соседками, если были милы её сердцу.

Все пили и ели до принесения жареных лебедей. В то время, как было условлено, дружка Евфимий испросил благословения у Добрыни, чтобы вести новобрачных почивать, на что последний отвечал: «Благослови, Боже!»

Их провожал до спальни главный воевода и с ним Анастасий со немногими соратниками.

...С рассветом следующего дня Анна поднялась на корабль, украшенный сарацинскими коврами. На других ладьях Владимир увозил военную добычу, мощи святого Климента, сосуды церковные и иконы на благословение себе. Вместе с Великим князем кроме его супруги в Киев отправились епископ Михаил и протопоп Анастасий, священники и ученики.

Паруса на мачтах сразу наполнились силой морского ветра.

Анна стояла на помосте корабля, и глаза её блестели от счастья. Кроме всего прочего, её радовало, что супруг пригласил на службу многих художников, иконописцев, чеканщиков монет и переписчиков.

В скором времени суда русичей пристали к острову Георгия. Там оказались и киевские купцы, совершавшие привычный обряд поклонения Священному дубу после прохождения через пороги.

Владимир тотчас приказал срубить дерево язычников и раскидать жертвенные камни.

И тогда Анна со слезами на глазах стала умолять мужа не трогать Священный дуб.

– Я родилась христианкой, – говорила она, – однако до сих пор чту духов своих пращуров, которые, вполне возможно, обитают возле сего места или живут в этом огромном дубе. Люди не зря приезжают сюда и поклоняются ему...

– Да, государь, – подал голос Евфимий. – Твоя супружница совершенно права. Это Господне создание веками привлекало сюда приезжих самых разных вероисповеданий. И здесь их религиозные сущности стремились к мирному сосуществованию.

С тяжёлым сердцем Владимир подчинился мнению большинства, среди которых оказались и Богуслав с Добрыней. Княгиня с великой радостью приветствовала такое решение мужа и была с ним необычайно мила и ласкова.

Возвратившиеся из похода ладьи всю ночь простояли в Славутиче, не смея пройти в устье Почайны, где Владимир вознамерился в день городского торжища начать крещение киевлян.

Было раннее утро, когда ещё стлался над рекою туман. На земляных валах бревенчатого города стоял частокол, над которым занималась прохладная заря, а стрехи домов уже выпускали из труб струи дыма.

На берегу в столь ранний час толпились люди. Ратники по колено в воде вытаскивали свои судёнышки на песок. Они весело перекликались, обрадованные благополучным прибытием домой.

После завтрака Евфимий, он же Вокша, выйдя на городскую площадь увидел большое скопление народа. От многих слышались возгласы недовольства:

– Наш князь поддался на уговоры ромеев и жены!

– Да эта басурманка теперь станет вертеть им в угоду своим братьям.

Какой-то человек отважился им возразить:

– Ваших божков вырубали секирой из дерева. Притом явно упившись медовухой. Поэтому у них вместо лиц человеческих звериные рожицы. Перун ваш – истукан. И вся братия его деревянная – тоже! Истинный Бог – тот, которому поклоняются греки! Он, Единый, создал небо и землю, солнце и звёзды. А ещё сотворил человека и дал ему жизнь на земле.

– Если наших богов вырубали, то ваших просто намалевали краской! – крикнул кто-то.

Услышанное Вокшей удивило его. Какой-то добровольный проповедник просто и умно развенчал языческую веру. Ему непременно захотелось ближе пообщаться с ним, но тот быстро затерялся в людской толчее.

В глазах многих людей можно было прочесть смятение, даже некоторый ужас перед тем, что совершалось в эти дни в городе. Наметился конец привычного бытийного уклада, рушились верования, с которыми было связано слишком многое.

Взошедшее солнце как бы приветствовало бирючей, которые призывали народ идти на речку Почайну и там участвовать в обряде крещения. Возможно, что многие решились на это по зову Великого князя. Окружённый многими знатными воинами и старейшинами, он вместе со своей царицей стоял на разостланном на лужайке ковре. Теперь его нарядом стал золотой скарамангий, а на плечах пурпуровая хламида, весьма щедро осыпанная жемчугом. Ко всему прочему она же изобиловала богато вышитыми золотыми узорами, на которых чередовались орлы с крестами. На голове Владимира сияла диадема с жемчужными подвесками у висков. Подобно короне василевса, она тоже была увенчана крестом. На Анне, одетой в белые и зелёные одежды, сверкала диадема, но без пропендулий, то бишь подвесок. Как в часы императорских выходов, отроки держали над княжеской четой навес, празднично оформленный страусовыми перьями розового цвета.

Анастасий вместе с епископом Иаковом и прочими священниками стояли в сияющих облачениях у края воды и читали положенные для такого случая молитвы. Киевляне садились на берегу, снимали обувь и входили в воду. Однако многие это делали с явным неудовольствием. Особенно подобное исходило от женщин, которые слишком бурно выражали свои протесты и держали на руках плачущих младенцев.

Двое неторопливыми движениями пробирались к реке.

– Лезь, друже, в воду, – шутиливо подгонял один горожанин другого. – Ежели то было бы во вред, князь с боярами не стали бы принимать крещения.

– Дай мне хотя бы три гривны золотом, мои сомнения сразу исчезнут, а так никакого желания к сему не испытываю, – со сдержанным негодованием произнёс другой, входя в речку.

– А что же так? – осведомился его сосед, остановившийся уже по пояс в воде.

– Вон видишь дружинников, что стоят у князя за спиной? Совсем не хочется попасть к ним на разбор.

Не зря Владимир недавно послал по всему городу глашатаев, бирючей, которые говорили людям так: «Наутро всяк сойдёт на реку Почайну креститься. А ежели кто от некрещёных завтра к реке не явится, богатый или нищий, вельможа или раб, тот за противника повелению моему будет».

Поэтому число желающих принять крещение столь увеличилось, что не представлялось возможности всех исчислить. Владимир был очень рад такой послушности киевлян, поэтому в порыве благодарности народу Великий князь, воззрев на небо, громко проговорил: «Боже Великий, сотворивший небо и землю, призри на новых людей Своих!!! И дай им познать совершенно Тебя, истинного Бога! А неверующие да постыдятся и примут наказание от Тебя, Творца. Я же буду настаивать их словами Твоими на путь спасения...»

Поэтому князь повелел на площади перед палатами устроить для крестившихся всенародный пир. На соседнем пустыре княжеские кухари жарили на кострах баранов и быков, варили в котлах похлёбку из рыбы. Отроки выставляли на столы мёды и пиво. Всякий желающий мог прийти сюда, чтобы есть мясо, хлеб, овощи и вкушать хмельное питьё. Для тех, кто по немощности своей или болезни был не в состоянии явиться к месту празднества, яства развозили по городу.

Только даже на пиру не прекращались споры о необходимости русичам новой веры. Люди, теперь уже разгорячённые хмельным, более возбуждённо убеждали один другого в своей правоте.

А когда радостное настроение крещёных достигло предела, оные бросились к холму со стоявшими там языческими истуканами и повергли тех на землю. Некоторых тут же рубили, словно обыкновенные деревяшки, а часть сложили в кучу и, облив дёгтем, подожгли.

По велению Добрыни многие взялись и повалили изваяние Перуна. Огромная деревянная колода гулко покатилась с холма. Внизу её привязали к коням и поволокли топить в реке. Истукан долго качивался на воде, то и дело упрямо приставая к берегу, а язычники кричали, протягивая к нему руки:

– Выплывай, выплывай, наш светлый бог!!! Вернись на своё место на холме, тогда христиане уверуют в тебя!

Чуда не произошло. Дружинники баграми и жердями отталкивали деревянного божка от берега, не допуская никого к нему. И так провожали его до самых до порогов.

В эти дни кудесники и волхвы не смели высунуть и носа из своего жилья. Ни у кого не возникло ни малейшего желания попасть на глаза людям, только что восторженно принявшим крещение.

...«Видехом Свет Истинный, прияхом Духа Небеснаго, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице поклоняемся, Та бо нас спасла есть»...

Было ли у кого-либо желание воспротивиться обидчикам дубрав и капищ? Вряд ли. Эти люди поняли, что их время кануло в небытие.

И всё же они не собирались сдаваться, поэтому с того дня стали тайком подговаривать людей уходить в дальние скрытые места, чтобы там не утратить своё древнее верование.

